

РАЗДЕЛ I. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6

Бочарова Е.Е.

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского

ГРАНИЦЫ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МОЛОДЕЖИ

E. Bocharova

Saratov State University named after N.G. Chernishevskiy

BOUNDARIES OF THE YOUNGSTERS' SOCIAL ACTIVITY AND SUBJECTIVE WELL-BEING

Аннотация. В статье излагаются данные теоретического анализа феномена социальной активности в отечественной и зарубежной психологии. Рассмотрены подходы к изучению границ социальной активности, проанализированы представления об их содержательной наполненности и функциях. Показана перспективность исследования проблемы социальной активности в соотношении с субъективным благополучием личности, выполненного в ракурсе «социального бытия на границе». Автор приходит к выводу о том, что одним из механизмов регуляции субъективной локализации границ активности субъекта социального бытия выступает переживание личного благополучия (или неблагополучия).

Ключевые слова: социальная активность, граница, границы бытийного пространства, социальное бытие на границе, субъективная локализация границ социальной активности, субъективное благополучие.

Abstract. The article describes the data of the theoretical analysis of domestic and foreign psychology phenomenon of social activity. The author presents the approaches to the study of the social activity boundaries, analyzes approaches to their content fullness and functions. The article shows the perspectives of studying the social activity in relation to the person's subjective well-being. The research is performed on the basis of «social boundary existence» approach. The author concludes that one of the regulating mechanisms of the subjective localization of the person's social activity boundaries is the emotional experience of a subjective well-being (or ill-being).

Key words: social activity, boundary, existential space boundaries, social boundary existence, subjective localization of social activity boundaries, subjective well-being.

Поиск регуляторов социальной активности человека в сфере его субъективных отношений к миру, другим людям, самому себе в современной отечественной психологической науке является одним из перспективных направлений. Пристальное внимание ученых и практиков к проблеме социальной активности объясняется сложностью этого феномена, многогранностью его форм и сфер проявления в условиях социальных перемен. Наиболее актуальными являются исследования социальной активности, уровня и направленности ее проявления у представителей различных социально-возрастных, этнических групп. Следует особо подчеркнуть, что в условиях современной социальной ситуации особенно остро возникла необходимость становления активной, мобильной жизненной позиции, обеспечивающей человеку

© Бочарова Е.Е., 2012.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнопсихологические детерминанты взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия личности» (грант №11-06-00026 а).

возможность самореализации и личностного роста в условиях той социальной реальности и той культуры, в которой происходит ее становление, развитие.

В этой связи весьма существенным является изучение социальной активности как одной из центральных характеристик проявления субъектной позиции личности в выборе и реализации ее жизненных перспектив, что особенно важно у представителей молодежи. Вполне очевидна тенденция, как отмечает большинство исследователей, к тому, что практика индивидуального совершенствования и самореализации субъекта тесно сливается с практикой социального преобразования общества. Не менее важным фактом является и то, что проявление социальной активности, осознанное использование тех или иных стратегий социального самоопределения в конечном счете определяет уровень удовлетворенности личности, ее субъективное благополучие.

Таким образом, вопрос социальной активности, выявления критериев, механизмов и факторов детерминации ее границ проявления является весьма значимым как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Отметим, что в современных психологических исследованиях наблюдается отсутствие единства в определении понятия «социальная активность»: качество субъекта деятельности, состоящее в интеграции его возможностей, способностей и их направленности на достижение цели (Б.Ф. Ломов) [11]; обеспечение непрерывного взаимодействия субъекта с миром (А.И. Крупнов) [8]; социально-психологическая готовность личности к деятельности, преобразующую объективную действительность и саму личность (В.А. Петровский) [14]; объективно детерминированное субъективное отношение к социально-значимой деятельности (Г.С. Сухобская) [16]; преобразовательная активность, связанная с изменением условий жизни, своего социального статуса, социальных отношений психологических свойств, воздействия на других людей и т. д. (А.Н. Демин) [4]; инициативно-творческое отношение личности к сфе-

рам своей социальной жизнедеятельности, а также к самой себе как субъекту социального бытия (Р.М. Шамионов) [19].

Интерпретируя социальную активность как интегральную форму отношения личности к своему жизненному миру, состоящую из субъективных репрезентаций жизненных отношений, отметим, что весьма существенным в анализе этого отношения является объективация субъективного, которая происходит, прежде всего, «через реализацию отношений личности к социальным системам разного уровня, в которые она включена» [19, с. 96]. Средством, механизмом реализации этого сложного процесса выступает субъектность личности, «ее активное и управляющее начало, регулирующее различные потоки желаний (намерений) и необходимостей» [19, с. 94]. Между тем способность человека к активному выбору детерминирующих влияний, способность создавать эти детерминанты, то есть способность преобразовывать то, что его детерминирует, в данном ракурсе рассматривается как сложная интегративная характеристика личности, отражающая ее активно-избирательное, инициативно-творческое, преобразовательное отношение к себе, к деятельности, к миру и жизни в целом [1]. Субъект одновременно самоопределяется и по отношению к внутренней (диктуемой намерениями, желаниями), и по отношению к внешней необходимости, которая также выступает как внутренняя необходимость, и в их соотношении, в способе связывания и проявляет себя как субъект [17]. В ряде случаев именно субъект определяет меру субъектной включенности и меру собственного творчества в сферах своей социальной жизнедеятельности. По сути, речь идет о самоопределении границ активности субъекта, основанием которого могут выступать, к примеру, система субъективных отношений (ценностные ориентации, установочные комплексы, социальные представления, уровневые характеристики субъективного благополучия и т. д.), ценностная иерархия деятельностей и сфер жизни, в которых личность видит главную сферу самореализации;

критерии измерения жизненных успехов и неудач, их «подвижности».

Вместе с тем очевидным является и то, что социальная активность субъекта имеет как внешние границы, так и внутренние, связанные с изменением ее качественного проявления.

Отметим тот факт, что феномен «границы», привлекавший внимание многих исследователей достаточно длительное время, рассматривался через ее регламентирующую роль, «обстоятельства». В этом отношении, опираясь на работы представителей немецкой классической философии, А.С. Шаров отмечает, что человек может быть только «о-граниченным», так как граница придает бытию определенность [20]. «Лишь в своей границе и благодаря ей нечто есть то, что оно есть» [3, с. 230]. Между тем граница, по мнению автора, это такое взаимодействие субъекта и объекта, в процессе которого субъект определяет иное и себя (когнитивно, аффективно и конативно), а также рефлексивно организует свою психическую активность. Реализуя онтологический подход, А.С. Шаров приходит к выводу, что в процессе такого взаимодействия происходит дифференциация и интеграция границ активности посредством дифференцирующих и интегрирующих регулятивных актов [20, с. 119-122]. Это приводит, на наш взгляд, не только к возникновению новых границ активности («простраиванию» границ), но и к порождению различных интегративных новообразований (например, ценностно-смысловых, эмоционально-оценочных, социально-когнитивных), выступающих вместе с тем регуляторами социальной активности субъекта.

Раскрывая характеристики границ взаимодействия личности и среды, К. Левин подчеркивает их диалектический характер: с помощью границ, обособляясь в жизненном пространстве, личность включается в него как часть [9]. Точнее, границы взаимодействия человека и мира связывают личность и мир, субъекта и объект и устанавливают взаимоотношение быть вместе [21]. Результатом постоянного взаимодействия субъекта и

внешней среды, а также подвижности границ является феномен «субъективное пространство» или «бытийное пространство личности». Важно отметить, что именно на границе взаимодействия проявляется субъектность личности, выражающаяся с одной стороны, в стремлении к самореализации как в пространстве собственного внутреннего мира, так и в пространстве окружающего мира. При этом смысл бытия и самореализации личности как субъекта состоит не только в присвоении и персонификации нечто из среды, но также и в трансляции чего-то в социальный мир [7].

Между тем в процессе социализации личности происходит последовательное расширение границ своего бытийного пространства: первичное включение в ближайшее семейное окружение; контактные группы и коллективы; различные области профессиональной и внепрофессиональной деятельности; наконец, в целостную систему социальных отношений. Источником же такого расширения границ активности субъекта, согласно представлениям Г. Дилигенского, является потребность в достижении двух противоположных целей: слияния с социумом и выделения своего «Я» в качестве автономной единицы [5]. Это говорит о том, что организация границ своего бытийного пространства является эффектом социализации личности. При этом весьма существенным является изучение факторов структурирования бытийного пространства личности, как внешних (социальные нормы, ожидания, ценности, особенности социальной ситуации и т. д.), так и внутренних (ценностно-смысловые образования, их представленность в субъектной позиции личности, субъективные отношения и переживания), взаимодействие которых определяет социальное содержание активности.

Однако расширение своего бытийного пространства не исключает факт преодоления границ. В этой связи особое внимание заслуживают представления В.А. Петровского об активизирующей функции границы [14]. Граница интерпретируется как центрация

активности на разграничительном стимуле, как побудительный мотив, «мотив границы», определяя его «как стремление субъекта пережить бытие на границе» [15, с. 16]. Соотношение числа случаев центрации на разграничительном стимуле, его соблюдения и игнорирования определяет направленность активности субъекта. Особое значение придается смысловой наполненности границы («предел», «переход» и «связь»), которая раскрывает ее регулятивный характер и порождает новые отношения субъекта к своему бытийному пространству.

Мотив границы обнаруживает себя в таких феноменах, как «граничное переживание» (М.К. Мамардашвили), «надситуативная активность», «бескорыстный риск» (В.А. Петровский), «недетерминированная возможность» (Д.А. Леонтьев).

«Надситуативная активность» фиксирует факт существования таких тенденций, в которых субъект возвышается над ситуацией, преодолевая ограничения, препятствия. Действуя в реализации своих исходных отношений, субъект выходит за рамки этих отношений и в конечном счете преобразует их [15, с. 64]. Вместе с тем, преодолевая ограничения, субъект преодолевает себя, реализуя свои субъектные возможности и потребности преодоления себя в подтягивании к общественно задаваемым «мотивам», целям, средствам, реализуя необходимость состояться и утвердиться в своей самости. В этом плане надситуативная активность личности выступает как способность действовать за пределами ситуативной необходимости, трансцендировать за границы предустановленного.

Преодоление границ, как отмечает М.К. Мамардашвили, сопряжено с граничным переживанием, посредством которого человек оказывается перед невозможностью возможного или перед возможной невозможностью [12]. В контексте сказанного, переживание проявляется и как результат успешности или неуспешности преодоления границ, и как интенция, связанная с возможностью удовлетворения личностью своих потребно-

стей и в целом реализации своих смысловых потребностей.

Ключевым для понимания границ активности, по мнению Д.А. Леонтьева, является «недетерминированная возможность» субъекта. Признавая «пространство возможного», автор отмечает, что трансформация возможности в действительность происходит только через недетерминированный выбор и решение субъекта. При анализе соотношения детерминированности и самодетерминации подчеркивается их динамический характер взаимодействия между необходимым (детерминированным) и возможным (самодетерминированным), подчеркивается, что механизмом установления границ и их преодоления является самодетерминация [10].

В целом, на наш взгляд, граница социальной активности предстает как сложное динамическое социально-психологическое образование, определяемое активностью самого субъекта, связанное с переживанием противоречия между детерминацией и самодетерминацией развития и существования; необходимостью и возможностью, социализацией и индивидуализацией субъекта социального бытия. Необходимо подчеркнуть диалектический характер границ: являясь результатом активности, границы обеспечивают выбор и реализацию различных форм активности преобразования (разрешения) трудных жизненных ситуаций, благодаря чему сужаются или расширяются, интегрируются или дифференцируются по отношению к своему бытийному пространству, и в целом реорганизуют его. Это свидетельствует о проявлении полифункциональности границы, прежде всего ее активационной, преобразовательной, регулятивной функций.

Не менее существенным является и то, что локализация границ собственного социального бытия в значительной мере определяется системой субъективных отношений человека к его элементам. В соответствии с идеями Б.Ф. Ломова, система «субъективно-личностных» отношений представляет многомерное субъективное пространство личности, каждое из измерений которого соответствует

определенному субъективно-личностному отношению к разным сферам бытия (например, профессиональное, семейное, экономическое, этническое и т. д.) [11]. В этой связи, на наш взгляд, критериальным основанием определения границ социальной активности личности выступает система ее субъективных отношений к бытийным пространствам, в которых она с различающейся степенью успешности реализует себя, претворяя свою субъективность и актуализируя ключевую модальность, которой наделен субъект – способность к преобразовательной активности. Однако, как показывает ряд исследований, проявление субъектности в разных сферах бытия весьма вариативно, что свидетельствует о сложности и многомерности ее критериальных параметров (к примеру, уровневых, функциональных и т. д.) [4; 6; 13].

В связи со сказанным особую значимость приобретают исследования социальной активности в соотношении с субъективным благополучием личности, выполненные в ракурсе «бытия на границе» или точнее, на наш взгляд, «социального бытия на границе», определяемое нами, как бытийное пространство отношений личности к себе, социальным системам разного уровня, в которые она включена.

Являясь одной из центральных характеристик личности, субъективное благополучие представляет собой социально-психологическое образование, отражающее множество взаимосвязей внешнего и внутреннего, проектирующееся в системе отношений и переживаний личности к самой себе, к различным пространствам своего бытия. Вместе с тем, как свидетельствуют данные теоретико-эмпирических исследований, субъективное благополучие является продуктом, «эффектом» социализации [2; 18].

Рассматривая социализацию как процесс присвоения норм, ценностей и эталонов путем вхождения индивида в социальную среду, в систему социальных отношений, связей, результатом которой выступает интернализация, то есть присвоение социальных норм и ценностей и их преобразование в собствен-

ные, весьма существенным является то, что преобразование социального опыта предполагает активность личности в его последующей реализации через систему субъективных отношений и переживаний. В контексте сказанного смысловая наполненность границы внешнего и внутреннего в данном случае предстает и как «переход», и как «связь».

Т.Д. Марцинковская обосновывает необходимость обращения к дискурсу «социализация – индивидуализация» для рассмотрения динамики изменений внешних и внутренних границ через модус переживания. Переживания, интернализуя приобретаемые знания, соотносят их с личностными ценностями, установками, представлениями, наполняя их «своим» содержанием и смыслом, одновременно оценивая (или переоценивая) себя в их соответствии [13]. Постигая содержание своего бытийного пространства и вырабатывая определенное отношение к нему, согласовывая при этом внешние и внутренние условия, возможности и ограничения, личность самоопределяется в способе организации своих отношений, своего социального бытия. Бытие социального, как отмечают некоторые исследователи, структурируется в границах социальной субъективности, которая самоопределяется на пределе смысла, достигающего полноты на границе [7]. Благодаря переоценке, переосмыслению личностных позиций, жизненных целей переживание придает направленность ценностно-смысловой организации субъективных отношений личности к сферам социальной жизнедеятельности и своей причастности к ним. В этом случае, на наш взгляд, переживание выступает в качестве интранаправленного механизма субъективной локализации границ, их преодоления, согласования, перехода или игнорирования. Не является исключением и то, что переживание само может выступать в качестве ограничения, сдерживания или блокирования проявляемой личностью активности или, иначе говоря, выступать границей внутреннего.

В целом отметим, что, с одной стороны, субъективное благополучие личности как

система отношений и переживаний «оформляется» на «пересечении» границ взаимодействия со своими бытийными пространствами, в которых происходит ее самореализация, характеризующаяся дифференциальной избирательностью собственной активности, субъектной позицией личности. С другой стороны – выступает механизм регуляции подобной избирательности или, иначе говоря, субъективной локализации границ активности субъекта социального бытия.

Данные ранее выполненных нами исследований могут служить подтверждением того, что механизм регуляции субъективной локализации границ активности субъекта социального бытия выступает переживание субъективного благополучия (или неблагополучия) [2]. Уточним, что основанием субъективного благополучия личности являются иерархия эмоционально-оценочных отношений, которые образуют систему, структурированную по степени значимости и обобщенности (от связей субъекта-личности со всей действительностью до связей с отдельными ее сторонами или явлениями). Вместе с тем субъективное благополучие – сложноструктурированное образование, представляющее собой единство когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов. Взаимосвязь этих компонентов осуществляется через сопровождающие их функционирование эмоциональные состояния в общем чувстве удовлетворенности (или неудовлетворенности). Когнитивное содержание субъективного благополучия составляют комплекс установок к основным сферам социальной жизнедеятельности, представления о должном, ценностные ориентации, которые определяются как социально обусловленная общая направленность, как отношение личности к самому себе, к целям жизнедеятельности, к средствам удовлетворения этих целей, то есть к обстоятельствам жизни (ограничениям).

Согласно нашим исследованиям, переживание соотношения меры значимости ценности и воспринимаемой субъектом степени ее реализации определяет не только границы

бытийных пространств, но и границы развиваемой активности, субъектной включенности при достижении формулируемых для себя целей (эмпирическое исследование выполнено на выборке молодежи (n=180), в качестве диагностического инструментария нами применен комплекс психодиагностических методик: методика «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой; «Шкала субъективного благополучия» М.В. Соколовой; «Морфологический тест жизненных ценностей» (МТЖЦ) В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной). Прежде всего, необходимо отметить, что фактором благополучия, как свидетельствуют данные нашего исследования, является реализация ценности «свобода как независимость в поступках», фактором неблагополучия – зависимость от поддержки окружающих, трудности в установлении близких межличностных отношений. Это приводит к мысли, что содержательной наполненностью границы субъективного благополучия – благополучия личности молодежи выступает, прежде всего, степень реализации свободы и независимости. Вместе с тем обобщенная интерпретация полученных результатов позволяет констатировать, что согласованность ценностно-смысловой сферы или, иначе говоря, соотношение меры значимости ценности и воспринимаемой субъектом степени ее реализации в тех или иных сферах социальной жизнедеятельности определяют «зону напряженности», что соответствует, на наш взгляд, субъективной локализации границ активности субъекта. Можно полагать, что в зависимости от локуса субъективного благополучия наблюдается подвижность этих границ, отражающая вектор «разрешения» напряжения и характеризующая модусы бытийных пространств личности. Так, например, в выборке «благополучных» «зона напряженности» представлена сферой семейных отношений, у «неблагополучных» – диапазон «напряженных» сфер шире: семья, любовь, материальное благополучие. Стоит отметить, что переживание благополучия не исключает сомнений в реализации желаемого. Однако «разрешение»

внутренней напряженности у «благополучных» связано с проявлением активности в установлении социальных контактов, независимости, просоциальности, креативности, творчества, которые реализуются практически во всех сферах социальной жизнедеятельности, что свидетельствует о разворачивании социальной активности за счет расширения, смещения границ бытийных пространств. И напротив, у лиц с низким уровнем субъективного благополучия «разрешение» внутренней напряженности сопряжено с ожиданием поддержки окружающих, проявлением прагматизма, стремлением к признанию сверстниками, достижения престижа преимущественно в сферах общественных отношений, увлечений и профессиональных интересов. Иначе говоря, в зависимости от уровня субъективного благополучия наблюдаются существенные различия и в содержании социальной активности, и в диапазоне ее сфер проявления, и, следовательно, субъективной локализации ее границ.

В целом необходимо отметить, что проведенный анализ проблемы границ социальной активности в соотношении с субъективным благополучием свидетельствует о ее сложности и многоаспектности, требующей дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борытко Н.М., Мацкайлова О.А. Становление субъектной позиции учащегося в гуманитарном пространстве урока. – Волгоград, 2002. – 213 с.
2. Бочарова Е.Е. Уровневые характеристики в структуре субъективного благополучия личности молодежи // Акмеология. – М., 2012. – № 1 (41). – С. 63-69.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – М., 1999. – 316 с.
4. Демин А.Н. О границе преобразовательной активности субъекта // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. – М., 2009. – С. 107-120.
5. Дилигенский Г.Г. Проблема теории человеческих потребностей // Вопросы философии, 1976. – № 9. – С. 37-42.
6. Ишкова М.А. Феномен границы в детерминации активности ребенка: Дис. ...канд. психол. наук. – М., 1998. – 140 с.
7. Калинин В.К. Границы в культуре и культура на границах // Журнал практического психолога: научно-практический журнал, 2009. – № 2. – С.42-69.
8. Крупнов А.И. Психологические проблемы исследования активности человека // Вопросы психологии, 1984. – № 3. – С. 25-32.
9. Левин К. Теория поля в социальных науках. – СПб., 2000. – 368 с.
10. Леонтьев Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии, 2011. – № 1. – С. 3-28.
11. Ломов Б.Ф. Личность в системе общественных отношений // Психологический журнал, 1981. – Т. 2. – № 1. – С. 3-13.
12. Мамардашвили М.К. Философские чтения. – СПб., 2002. – 832 с.
13. Марцинковская Т.Д. Переживание как механизм социализации и формирования идентичности в современном меняющемся мире // [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн., 2009. – № 3(5). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 22.04.2012).
14. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. – Ростов-на-Дону, 1996. – 512 с.
15. Петровский В.А. Человек над ситуацией. – М., 2012. – 559 с.
16. Сухобская Г.С. Социальная и социально-психологическая зрелость: основы идентификации личности в образовательном процессе // Понятийный аппарат педагогики и образования: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Ткаченко, М.А. Галагузова. – М., 2007. – Вып. 5. – С. 215-218.
17. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. – М., 1966. – 234 с.
18. Шамионов Р.М. Психология субъективного благополучия личности. – Саратов, 2004. – 180 с.
19. Шамионов Р.М. Личность как субъект отношений и взаимоотношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика», 2011. – Вып. 1. – Т.11. – С. 94-99.
20. Шаров А.С. Онтология психологических механизмов рефлексии // [Электронный ресурс] Вестник Омского государственного педагогического университета, 2006 // www.omsk.edu (дата обращения: 20.05.2012)
21. Eckartshoff R. Maps of the Mind: The Cartography of Consciousness // The Metaphors of Consciousness. – New York – London, 1981. – P. 46.